

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

Смерть человека

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805895

Аннотация

«Высокая мрачная комната, в которой умерли сын и жена Человека. На всем лежит печать разрушения и смерти. Стены покосились и грозят падением; в углах раскинулась паутина – правильные светлые круги, включенные безысходно один в другой; грязно-серыми прядями спускается мертвая паутина и с нависшего потолка. Точно под упорным давлением мрака, черной безграничностью объявшего дом Человека, подались внутрь и покривились два высоких окна; если окна не выдержат и провалятся, то мрак вольется в комнату и погасит слабый, умирающий свет, которым озаряется она...»

Содержание

Разговор наследников

7

Разговор старух

16

**Андреев Леонид
Николаевич
Смерть человека
Вариант пятой картины
пьесы «Жизнь человека»**

Высокая мрачная комната, в которой умерли сын и жена Человека. На всем лежит печать разрушения и смерти. Стены покосились и грозят падением; в углах раскинулась паутина – правильные светлые круги, включенные безысходно один в другой; грязно-серыми прядями спускается мертвая паутина и с нависшего потолка. Точно под упорным давлением мрака, черной безграничностью обьявившего дом Человека, подались внутрь и покривились два высоких окна; если окна не выдержат и провалятся, то мрак вольется в комнату и погасит слабый, умирающий свет, которым озаряется она.

В задней стене коленчатая лестница, ведущая наверх, в те комнаты, где происходил когда-то бал; внизу видны кривые погнувшиеся ступени, дальше они теряются в густой насупившейся мгле. У той же стены под искривленным, порванным балдахином кровать, на которой умерла жена Че-

ловека.

Справа темное жерло холодного, давно потухшего огромного камина, большая куча мертвой золы, в которой белеет полуобгорелый лист какой-то бумаги, по-видимому, чертежа. Перед камином в кресле сидит неподвижно умирающий Человек; в том, как оборван его халат, в том, как лохматы и дики его нечесанные седые волосы и борода, чувствуется полная заброшенность и одиночество умирания. В стороне от Человека, в таком же кресле, крепко спит Сестра Милосердия с белым крестом на груди; за все время картины она не просыпается ни разу.

Вокруг умирающего Человека, обнимая его тесным кольцом жадно вытянутых лиц, сидят на стульях Наследники. Их семь человек, три женщины и четверо мужчин. Их шеи хищно вытянуты по направлению к Человеку, рты жадно полураскрыты; напряженно-скрюченные пальцы на поднятых руках походят на когти хищных птиц. Есть среди них толстые и весьма упитанные люди, особенно один господин, жирное тело которого бесформенно расплывается на стуле, но по тому, как они сидят, как они смотрят на Человека, — кажется, что всю жизнь они были голодны и всю жизнь ожидали наследства. Голодны они как будто и сейчас.

В углу неподвижно стоит Некто в сером с догорающей свечою. Узкое синее пламя колеблется, то ложась на край, то острым язычком устремляясь вверх. И могильно-сини

блики на каменном лице и подбородке Его.

Разговор наследников

Говорят громко:

- Дорогой родственник, вы спите?
- Дорогой родственник, вы спите?
- Дорогой родственник, вы спите или нет? Отвечайте нам.
- Мы ваши друзья!
- Ваши наследники.
- Отвечайте нам!

Человек молчит. Наследники переходят на громкий шепот.

- Он молчит.
- Он ничего не слышит: он глух.
- Нет, он притворяется. Он ненавидит нас, он рад был бы нас выгнать, но не может: мы его наследники!
- Каждый раз, когда мы приходим, он смотрит на нас так, точно мы пришли убивать его. Как будто не умрет он и сам!
- Глупец!
- Это от старости. От старости все люди становятся глупы.
- Нет, это от жадности. Он рад был бы унести в могилу все. Он не знает, что в_могилу человек уходит один.
- Почему вы так ненавидите нашего дорогого родствен-

ника?

– Потому, что он медлит умирать. *(Громко.)* Старик, почему ты не умираешь? Ты портишь нам жизнь, ты грабишь нас. Твое платье рвется и гниет, твой дом разрушается, твои вещи стареют и теряют ценность!

– Это правда, он нас грабит!

– Тише! Зачем кричать!

– Старик, ты обираешь нас!

– Но, может быть, дорогой родственник слышит нас?

– Пусть слышит! Правду всегда полезно слышать.

– Но, может быть, у него еще хватит силы составить завещание и лишить нас наследства?

– Вы думаете?

Натянута смеются. Продолжают нежными голосами, громко, так, чтобы слышал Человек.

– Пустяки, он всегда был умным человеком, склонным к юмору, и прекрасно понимает шутку. Не правда ли, дорогой родственник?

– Конечно, мы шутили.

– Мы можем ждать сколько угодно. Нам только жаль его. Так грустно день и ночь сидеть одному перед потухшим камином, – не правда ли, дорогой родственник?

– Почему он не ляжет в постель?

– Так, маленькая причуда. На этой постели умерла его же-

на, и он никому не позволяет коснуться ни белья, ни подушек.

– Но время уже коснулось их!

– От них пахнет гнилью.

– Здесь отовсюду пахнет гнилью. (*Нюхает.*)

– Когда я подумаю... Нет, когда я подумаю, что в этом камине он непроизводительно жег целые бревна...

– А вы помните его бал? Наш милый родственник так сорил деньгами!

– Нашими деньгами!..

– А вы помните, как он баловал жену, эту ничтожную женщину?

– Добавьте: которая обманывала его.

– Тише!

– У которой была дюжина любовников!

– Тише! Тише!

– Которая жила с лакеем! Да, со своим лакеем. Я сама видела однажды, как они переглянулись.

– Но она умерла! Не оскверняйте могил клеветой!

– Но это правда: я сама слыхала о том же.

– Бедный, обманутый глупец!

– Вы не замечаете украшений в его почтенной седине.

– Тише! Тише!

С возгласами «Тише! Тише!» переглядываются и тихонько смеются.

– Человек не имеет права думать только о самом себе. Когда я рассчитаю, сколько он мог бы нам оставить и сколько нам остается...

– Гроши!

– Нужно благодарить провидение и за то, что осталось. Наш почтенный родственник так небережлив.

– Взгляните на его халат: разве можно так обращаться с дорогими вещами.

– Вы думаете? Я не вижу отсюда, что это за материя.

– Подойдите осторожно и пощупайте пальцами. Это шелк.

Одна из жещицин подходит к умирающему Человеку и, делая вид, что оправляет подушку, ощупывает матерю. Все с любопытством следят за нею.

– Шелк!

Различными жестами Наследники выражают свое негодование.

Человек (на мгновение выходит из неподвижности и просит слабо). Воды!

Наследники. Что он говорит? Он слышал? Чего ему надо? Человек. Воды! Бога ради, воды! (Умолкает.)

Несколько испуганные Наследники ищут воды, но не находят. Брезгливо-встревоженные голоса:

- Воды!
- Он просит воды!
- Да дайте же ему воды!
- Воды нет.

Все разом обращаются к спящей Сестре Милосердия, крича, приставляя руки ко рту в виде рупора:

- Сестра Милосердия!
- Сестра Милосердия!
- Сестра Милосердия!
- Вам говорят, Сестра Милосердия! Больной просит воды.
- Растолкайте ее. За что же ей платят деньги, если она все время спит!
- А если вы хотите такую сестру милосердия, которая бы не спала, то придется платить еще дороже. Разве вы этого не понимаете?
- Она очень устала. У бедной женщины так много работы!
- Пусть спит. У нее такой сон, что жаль его тревожить.
- Дорогой родственник, вы не можете подождать? Сестра очень устала и спит.

Человек не отвечает, и все снова рассаживаются по ме-

стам, полукругом. Слабый свет, озаряющий комнату, медленно гаснет – в углах встает мрак. Тяжело, откуда-то сверху, ползет мрак по ступеням, стелется по потолку, бесшумно липнет к каждому углублению.

– Он успокоился. Бедный!

– Как темно! Господа, вы не замечаете, как темно?

– Когда я подумаю, что так, перед камином, он может просидеть еще долго – недели, месяцы, мне хочется схватить его за тощую шею и удушить.

– Позвольте: вы так беспокоитесь о наследстве, а вместе с тем я не знаю, кто вы?

– И я не знаю! И я!

– Вы просто человек с улицы: какое вы имеете право на наследство?

– Я такой же наследник, как и вы.

– Нет, сударь, вы мошенник!

– Нет, это вы мошенник!

– Тише! Тише!

– Его надо выгнать! Вон!

– Вы все мошенники!

– Тише! Вы разбудите его!

Яростно оскалив зубы, грозят друг другу сжатыми кулаками.

– Господа, свет гаснет! Я почти не вижу лиц.

– Надо уходить. Еще один погибший день!

– Надо уходить.

– А я останусь. Я не пойду отсюда. Это мой дом. Мой, мой, мой!

– Вас съедят здесь крысы.

В исступлении:

– Это мой дом – мой, мой, мой!

– Одна седьмая часть, господин наследник с улицы, во всяком случае не больше как одна седьмая часть.

– Это мой дом! Мой!

– Господа, темнеет.

– Спокойной ночи, дорогой родственник!

– Спокойной ночи, дорогой родственник!

– Спокойной ночи, дорогой родственник!

По очереди, низко кланяясь Человеку, уходят. Некоторые поднимают вялую, бледную руку умирающего, лежащую на ручке кресла, и нежно пожимают ее. Наследник с улицы остается один. Презрительно взглянув на безмолвных Человека и Сестру Милосердия, он быстро и сердито исследует комнату: трогает стены; щупает материю на стульях, оценивает взглядом то, до чего не может дотянуться руками. Подходит к кровати, на которой умерла жена Человека.

ка, и пробует крепость белья. Но гнилая материя расплзается под пальцами, и, бешено топнув ногою, Наследник разбрасывает подушки и простыни. Потом решительно идет к умирающему и останавливается за его спиною.

Речь Наследника. Послушай, старик. Ты должен умереть. Зачем ты оскорбляешь смерть сопротивлением? Уходи. Освободи живые вещи от твоей мертвой власти, – она свинцовой тяжестью лежит над всем. Посмотри: все ждет и жаждет твоей смерти – эти падающие стены, – эта паутина и паук, заключенный в ее круги, – этот черный камин. Прежде он дышал на тебя огнем, теперь в прохладу могилы зовет твое изношенное тело. Уходи. Там ты встретишь тех, кто любил тебя и в черноте и в седине твоих волос и был любим тобою.

Молчание.

– Не веришь?! (*Обращается в угол, где стоит Некто в сером.*) Эй, ты! Скажи ему, что там его встретит любимый сын его с проломленной головою, жена, умершая от болезней и горя.

Молчание.

И ты молчишь? И все молчит? Пусть. Но что бы ни ждало тебя там, – отсюда уходи; я, живой, изгоняю тебя из жизни.

И когда ты умрешь, я благословлю тебя. Я возложу венки на твой гроб, и на том месте, где будет гнить твое тело, воздвигну памятник – если это не будет дорого стоить. Уходи.

Молчание. Наследник снова ходит по комнате, но уныние места, мрак, непрерывно нарождающийся, тягучее безмолвие пугают его. Тревожно мечется он, забыв, где выход, и говорит хрипло:

– Сестра Милосердия, проснитесь! Сестра! Где же выход?.. Где же выход? Сестра Милосердия!

Молчание. В разных местах почти одновременно показываются Старухи. Происходит легкая, молчаливая, смешная для Старух игра: они загораживают выход Наследнику, кружат по комнате и, так бесшумно перебрасывая его, пропускают наконец к двери. Подняв над головою руки, с выражением ужаса, Наследник убегает. Старухи тихонько смеются.

Разговор старух

- Здравствуйте!
- Здравствуйте! Какая славная ночь!
- Вот мы и снова собрались. Как ваше здоровье?
- Покашливаю.

Тихо смеются.

- Теперь недолго. Он сейчас умрет.
- Посмотрите на свечу. Пламя синее, узкое и стелется по краям. Уже нет воска, и только фитиль догорает.
- Не хочет гаснуть.
- А когда вы видели, чтобы пламя хотело гаснуть?
- Не спорьте! Не спорьте! Хочет пламя гаснуть или не хочет, а время идет.
- Время идет.
- Время идет.
- А вы помните, как он родился? Позвольте, дорогой родственник, поздравить вас с новорождённым!
- А вы помните розовенькое платьице и голенькую шейку?
- И цветы. Ландыши, с которых не высохла роса, фиалки и зеленую травку?
- Не трогайте, девушки, не трогайте цветов!

Смеются.

– Время идет.

– Время идет.

Смеются. Одна из Старух оправляет постель.

– Что вы делаете?

– Я оправляю постель, на которой умерла его жена.

– Зачем это нужно? Он сейчас умрет.

– Какая вы добрая!

– Теперь хорошо. Теперь он может идти.

– Когда его пустит Тот.

– Теперь хорошо. Теперь хорошо.

Широким дыханием через комнату проносится гармоничный, но очень печальный и странный звук. Зародившись где-то наверху, он трепетно гаснет во мраке углов. Похоже, как будто одна за другою лопнули многие струны.

– Что это?

– Это там, наверху, где давали бал. Это музыка!

– Нет, это ветер. Я была там. Я видела. Я знаю. Это ветер.

Там выбиты стекла, и ветер звенит осколками их так гармонично.

– Да, это похоже на музыку.

– Там так весело! Там на корточках в темноте у ободран-ных стен сидят гости, – но в каком виде, если бы вы знали.

– Мы знаем!

– И, ляская зубами, лают отрывчато: как богато, как пышно!

– Вы шутите, конечно?

– Конечно, я шучу. Вы знаете мой веселый характер.

– Как богато! Как пышно!

– Как светло!

Тихо смеются.

– Напомните ему.

Тесно окружают Человека, льнут к нему мягкими движениями, ласкают костлявыми руками, засматривают в лицо и шепчут вкрадчиво, въедаясь в самую глубину старого сердца:

– Ты помнишь?

– Как богато! Как пышно!

– Ты помнишь, как играла музыка на твоём балу?

– Он сейчас умрет.

– Кружились танцующие, и музыка играла так нежно, так красиво. Она играла так... (*Тихо напевают мотив музыки,*

что играли на его балу.)

– Ты помнишь?

– Устроим бал! Я так давно не танцевала!

– Вообрази, что это дворец, сверхъестественно красивый дворец!

– Ты помнишь? Вот заливаются певучие скрипки. Вот нежно поет свирель. Вот...

Внезапно, перебивая речь Старух, начинает играть музыка, наверху в том месте, где находится зала. Звуки приносятся громкие и отчетливые Старухи прислушиваются.

– Тише! Вы слышите?

– Они играют!

– Музыканты играют! *(Дико кричит.)* Эй, музыканты, сюда!

Остальные вторят:

– Эй, музыканты, сюда! Эй, музыканты, сюда!

Музыка наверху смолкает. Почти в то же мгновение по искривленным ступеням, выйдя из мрака, спускаются те три музыканта, что играли на балу. Выходят на середину, становятся в ряд, как стояли тогда. Тот, что со скрипкой, аккуратно подстilaет на плечо носовой платок, и все

трое начинают играть с чрезвычайной старательностью. Но звуки тихи, нежны и печальны, как во сне.

- Вот и бал!*
- Как богато! Как пышно!*
- Как светло!*
- Ты помнишь?*

Тихо напевая под музыку, начинают кружиться вокруг Человека, манерничая и в дикой уродливости повторяя движения девушек в белых платьях, танцевавших на балу. При первой музыкальной фразе они кружатся, при второй сходятся и расходятся грациозно и тихо. И тихо шепчут:

- Ты помнишь?*
- Ты сейчас умрешь, а ты помнишь?*
- Ты помнишь?*
- Ты помнишь?*
- Ты сейчас умрешь, а ты помнишь?*
- Ты помнишь?*

Танец становится быстрее, движения резче. В голосах поющих Старух проскальзывает странная, визгливая нотка; такой же странный смех, пока еще сдержанный, тихим шурианием пробегает по танцующим. Прносясь мимо Человека, бросают ему в ухо отрывистый шепот:

- Ты помнишь?
- Ты помнишь?
- Как нежно, как хорошо!
- Как отдыхает душа!
- Ты помнишь?
- Ты сейчас умрешь, сейчас умрешь, сейчас умрешь...
- Ты помнишь?

Кружатся быстрее, движения резче. Внезапно все смолкает и останавливается. Застывают с инструментами в руках музыканты; в тех же позах, в каких застало их безмолвие, замирают танцующие. Человек встает, шатаясь, и неверными шагами идет к постели. Одна из Старух загоразживает ему путь и шепчет в лицо:

- Не ложись в постель! Ты там умрешь!
- Ты там умрешь!
- Берегись постели!

Человек беспомощно останавливается и молит в тоске:

- Помогите мне кто-нибудь. Я не могу дойти до постели.

И вдруг точно видит все. Видит злобно насторожившихся Старух, блудливо заигрывающих со смертью; видит раз-

рушение, и мрак, и смерть, царящие вокруг; видит как бы впервые каменный лик Некогого в сером и свечу, копотно догорающую в руке Его. Поднимает руку, и отступают Старухи. Закидывает седую, грозно-прекрасную голову, выпрямляется, готовясь к последнему бою, и кричит неожиданно громко, призывным голосом, полным тоски и гнева. В первой короткой фразе еще звучит старческая слабость; но с каждой последующей голос молодеет и крепнет; и, отражая на мгновение вернувшуюся жизнь, высоко взметывается красное, тревожное пламя свечи, озаряя окружающее суровым отсветом пожара.

– Где мой оруженосец? – Где мой меч? – Где мой щит? – Я обезоружен! – Скорее ко мне! – Скорее! – Будь проклят! (Падает у подножия постели и умирает.)

В то же мгновение, бессильно взметнувшись еще раз, гаснет пламя, и сильный сумрак поглощает предметы. Будто подались наконец стена и окна, задержавшие мрак, и густой, черной, победоносной волною он заливает все; только светлеет лицо умершего Человека. Тихий, неопределенный голос Старух, шушуканье, пересмеиванье.

Некто в сером. Тише! Человек умер!

Молчание, тишина. И тот же холодный, равнодушный

голос повторяет из глубокой дали, как эхо:

– Тише! Человек умер.

Молчание, тишина. Медленно густеет сумрак, но еще видны мышинные фигуры насторожившихся Старух. Вот тихо и безмолвно они начинают кружиться вокруг мертвеца – потом начинают тихо напевать – начинают играть музыканты. Сумрак густеет, и все громче становится музыка и пение, все безудержнее дикий танец. Уже не танцуют, а бешено носятся они вокруг мертвеца, топя ногами, визжа, смеясь непрерывно диким смехом. Наступает полная тьма. Еще светлеет лицо мертвеца, но вот гаснет и оно. Черный, непроглядный мрак. И во мраке слышно движение бешено танцующих, взвизгивания, смех, нестройные, отчаянно-громкие звуки оркестра. Достигнув наивысшего напряжения, все эти звуки и шум быстро удаляются куда-то, замирают... Тишина.

Опускается занавес.

20 февраля 1908 г.